

Исторические науки

УДК: 930.2, 930.85

Хлевов А. А.,

*доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор,
профессор кафедры «Всеобщая история и мировая культура»,
Севастопольский государственный университет*

Губанов И. Б.,

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник,
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН*

Маркелова О. А.,

*кандидат филологических наук,
независимый исследователь*

«Книга о занятии земли» в исландской историографии XIX-XXI вв.

DOI: 10.33979/2587-7534-2024-3-194-206

Объектом исследования в статье является исландская «Книга о занятии земли», созданная в XIII в., и история её изучения учёными-гуманитариями в Исландии на протяжении XIX-XXI вв. Первичное заселение Исландии – не только объект интереса исландской науки, оно также обладает колоссальной символической и эмоциональной важностью для носителей современной исландской культуры, поэтому послужило темой художественных произведений и стало неотъемлемой составляющей исландской национальной идентичности. Восприятие «Книги о занятии земли», а также родовых саг, связанных с ней текстуально, исландским научным сообществом XIX-XXI вв. можно описать как движение от безоговорочного принятия на веру национальными романтиками XIX века ко всё более нарастающему скептицизму в XX веке, к признанию её источниковедческой важности в современную эпоху – с той оговоркой, что теперь к этому источнику ставятся другие вопросы. В современной исландской науке нельзя выделить какой-либо один преобладающий подход к изучению древнеисландской прозы; распространены культурная антропология и «новая текстология», много междисциплинарных исследований. Однако изучению древнеисландских текстов в историко-этнографическом ключе уделялось и уделяется, на наш взгляд, недостаточно внимания. Данная статья открывает собой цикл исследований, рассматривающих «Книгу о занятии земли» и соответствующие саги Западных Фьордов преимущественно в историко-этнографическом аспекте, причём истории каждого первопоселенца

открывают новые аспекты данной тематики. При сопоставлении текста «Книги о занятии земли» с текстами родовых саг, в противоположность укоренившемуся тезису, что «авторы» саг, используя краткие сведения «Книги о занятии земли», сочиняли сами саги, мы выдвигаем постулат, что всё происходило в точности наоборот.

Ключевые слова: *«Книга о занятии земли», родовые саги, история исландского саговедения, древнеисландская литература, история Исландии IX-XIV вв.*

“The Book of the Settlement of the Land” in Icelandic historiography of the 19th-21st centuries

Khlevov A. A.,

*Doctor of Philosophy, Candidate of History, Professor,
Professor of Department General History and World Culture,
Sevastopol State University*

Goubanov I. B.,

*Candidate of History,
Senior Research Fellow,
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, RAS*

Markelova O. A.,

*Candidate of Philology,
independent researcher*

The object of study in the article is the Icelandic “Book of the Settlement of the Land,” created in the 13th century, and the history of its study by humanities scholars in Iceland during the 19th-21st centuries. The initial settlement of Iceland is not only an object of interest for Icelandic science, it also has enormous symbolic and emotional importance for the bearers of modern Icelandic culture, therefore it has served as the theme of works of art and has become an integral part of the Icelandic national identity. The perception of the “Book of the Settlement of the Land”, as well as the Icelandic sagas related to it textually, by the Icelandic scientific community of the 19th-21st centuries. can be described as a movement from unconditional acceptance on faith by the national romantics of the 19th century to increasingly growing skepticism in the 20th century, to recognition of its source study importance in the modern era - with the caveat that now other questions are being raised about this source. In modern Icelandic scholarship, it is impossible to single out any one dominant approach to the study of Old Icelandic prose; Cultural anthropology and “new textual criticism” are common, as are many interdisciplinary studies. However, in our opinion, insufficient attention has been and is being given to the study of Old Icelandic texts in a historical and ethnographic vein. This article opens a series of

studies examining the “Book of the Settlement of the Land” and the corresponding sagas of the West Fjords mainly in the historical and ethnographic aspect, and the stories of each pioneer open up new aspects of this topic. When comparing the text of the “Book of the Settlement of the Land” with the texts of the Icelandic sagas, in contrast to the established thesis that the “authors” of the sagas, using the brief information of the “Book of the Settlement of the Land,” composed the sagas themselves, we put forward the postulate that everything happened exactly the opposite.

Keywords: *“The Book of the Settlement of the Land”, Íslendingasögur, history of Icelandic saga studies, Old Icelandic literature, history of Iceland in the 9th-14th centuries.*

Введение

Исландское общество раннего средневековья (от заселения острова скандинавами до покорения его Норвегией, то есть с конца IX по конец XIII вв.) представляет собой предмет неизменного и пристального интереса для специалистов целого пула гуманитарных дисциплин. В фокусе внимания оказываются, в первую очередь, особенности социального устройства, специфика межличностных и межгрупповых отношений жителей острова, а также просопографические исследования, которые находят здесь весьма богатую почву. Исландское общество являет пример в некотором смысле «идеальной демократии» эпохи перехода от первобытности (архаики) к классовому обществу*, разительно отличаясь от хорошо известных нам демократий античного мира или от «военных демократий» разного времени и разных регионов**. Эта специфика была обусловлена географической изоляцией острова, а также особенностями его колонизации. Последняя является ключевым фактором и предметом приоритетного внимания, поскольку источники позволяют отследить большое количество личных и семейных микроисторий первопоселенцев, которые и сформировали исландский социум. Помимо сугубо научного интереса и важности этих исследований для современной исландской идентичности, изучение историй первопоселенцев в мультидисциплинарном контексте позволяет качественно улучшить наши представления об одном из наиболее дискуссионных вопросов раннескандинавской истории: в какой степени исландская модель полезна для

*Мы употребляем этот по происхождению марксистский термин сознательно, несмотря на достаточно спорный характер общих схем исторического материализма, так как эксплуатация непосредственно работавших на земле безусловно имела место как в крупных античных рабовладельческих латифундиях в Римской Республике в конце II в. до н.э., так и в хозяйствах европейских феодалов средневековья.

** Хотя, скорее всего, народовластие вооруженных аграриев и являлось исходной формой, из которой на той же экономической базе крепких домохозяйств патрилокальных расширенных семей и развилась античная полисная система более чем на полтора тысячелетия ранее.

анализа истории континентальной Скандинавии и насколько она может быть использована для реконструкции её социальной картины.

Методология и источники

Одной из фундаментальных задач гуманитарной науки в целом была и остаётся верификация информации, сохранившейся в источниках, дошедших до наших дней. Является вполне очевидным тот факт, что на современном этапе пополнение источникового фонда, освещающего эпоху средневековья в Северной Европе, происходит преимущественно за счёт археологических находок. К их числу относятся и находки эпитафические, перебрасывающие своего рода мостик к источникам письменным. Археологический материал непрерывно прирастает, причём есть основания порой говорить об отставании наших возможностей охватить и осмыслить его во всей полноте. Эпитафический фонд также растёт, но несравнимо менее активно. Что касается письменных источников, то вряд ли есть основания ожидать появления новых текстов в принципе – достаточно сложно представить условия, при которых могут быть открыты какие-то рукописи, неизвестные доселе (хотя полностью исключать такую возможность нельзя).

Из сказанного следует, что наши представления об исландцах «века саг», базирующиеся на известных текстах, могут быть как-то модифицированы посредством верификации материальными источниками. Фонд же письменных источников практически достиг своего финального состояния, став своего рода аналогом археологического «закрытого комплекса».

Среди большей части исландских филологов с середины XX столетия бытует мнение, что саги об исландцах, живших в IX-XI вв., представляют собой авторские тексты, сочиненные в XIII-XIV столетии, к моменту их записи, то есть своеобразную средневековую беллетристику, и потому ни при каких обстоятельствах не могут быть использованы в качестве исторического источника. Как правило, этот тезис подавался в виде аксиомы, не требующей доказательств. Впрочем, с течением времени ситуация менялась и картина становилась более нюансированной. Поэтому более точным было бы утверждать, что история саговедения XX в. – это действительно история утраты доверия к этим текстам как к историческим источникам. К XXI в. это доверие возвращается, правда, уже в несколько другом качестве, что и будет продемонстрировано ниже.

Сходно в историографии и отношение к текстам мифологического характера. В частности, Снорри Стурлусону приписывают (и не совсем обосновательно) весьма творческую роль в процессе как реконструкции древнескандинавской мифологии, так и объяснение её генезиса с позиций последовательного эвгемеризма. Безусловно, создал «Младшую Эдду» человек, находящийся в лоне христианства и, к тому же, для своего времени более чем рационалистически мыслящий. При этом обычно в тень уходит осознание того, что этот текст был написан Снорри в качестве учебника скальдической поэзии и кеннинги с включенными в них наименованиями мифологических персонажей бытовали в поэзии скальдов определенно с IX столетия; точно так

же и на ранних рунических камнях западного ареала мы можем найти изображения мифологических сюжетов. Множественные их подтверждения в сообщениях письменных и археологических источников создают достаточно надёжную основу для уверенности в общей достоверности той мифологической картины мира, которую мы сегодня склонны приписывать скандинавам древности.

В то же время, традиции гиперкритицизма, довлевшие в сознании историков XIX в., как ни удивительно, продолжают сохранять актуальность в современной науке, как западной, так и отечественной. Казалось бы, многочисленные находки последних полутора столетий повсюду, где «работают» письменные источники, достаточно убедительно подтверждают их информативность и правоту. Это справедливо и для Средиземноморья, и для Северной Европы, которая дала множество удивительно точных и буквальных совпадений информации, касающейся повседневной жизни людей прошлого. Однако основным камнем преткновения, конечно, остаются социальные реконструкции. Если с подтверждением бытовых особенностей всё более или менее прозрачно, то экстраполяция «базисных» показателей на межличностные и межгрупповые отношения вызывает недоверие или неприятие у многих исследователей. Несомненно, здесь сказывается недоверие европейской научной традиции к марксистским и «чайлдовским» интерпретациям археологического материала, а также общее концептуальное недоверие к историко-материалистическому истолкованию исторического процесса. Что касается отечественных исследователей, то для одних такой подход, очевидно, связан с отречением от всё того же материалистического истолкования источников и самого исторического процесса, а для других – с малопонятной позицией, могущей быть охарактеризованной так: «это их скандинавские древности, им, как исследователям, виднее». Авторы данной статьи, конечно, не могут согласиться с таким подходом на концептуальном уровне – ни в первом, ни во втором случае.

В частности, что касается саг об исландцах, то здесь следует учитывать характер родового исландского общества. Для такого рода догосударственных социумов характерна устная передача информации от очевидцев событий через передатчиков на протяжении поколений. Таким образом, например, осуществлялась передача преданий, зафиксированной в староарабской литературе, причем там перед каждой историей приводится длинный список лиц – передатчиков. Подобная механика трансляции и фиксации исторической памяти не оставляет шансов сомневаться в достоверности этой информации: для людей того времени она оставалась залогом их правоспособности, идентичности и, в конечном итоге, самого существования. Саги выполняли роль архивов и документальных хранилищ более позднего времени, являясь общественно верифицируемым и постоянно воспроизводимым фондом информации о прошлом, из которого напрямую вытекала вся сумма правомочности и амбиций людей, являвшихся потомками героев этих саг. В этом контексте стоит напомнить, что самым популярным сейчас методом в

изучении древних текстов в Европе (по крайней мере, в литературоведении и смежных науках) являются т. н. «memory studies».

Следует учитывать и безусловно наличествовавший фактор сенсорного голодания членов общества того времени. Жизненный цикл исландцев подразумевал длительное пребывание в холодный период года в рамках скученных родовых коллективов, члены которых были заняты домашней работой, связанной с жизнеобеспечением. Отсутствие ярких событий, однообразие существования, отсутствие притока свежей информации, обострившееся с завершением походов викингов, делали любые тексты, воспроизводимые рассказчиками, объектом пристального внимания и детального запоминания. Быть может, некоторой аналогией может служить духовная жизнь советских граждан в 1930-50-х гг. XX в., когда кинофильмы шли по много недель, посещались зрителями множество раз и выучивались фактически наизусть. Разумеется, означенное сенсорное голодание было свойственно всей средневековой Европе, да и в целом всем традиционным «доинформационным» обществам. Однако представляется, что Север Европы даже на этом фоне даёт пример повышенного интереса к рассказчику.

Задуманный авторский проект подразумевает, в частности, сравнение текстов саг, в которых рассказано о знатных исландских первооселенцах в Западных Фьордах, с текстами об этих же людях в первом пространном исландском историческом сочинении, записанном в начале XII столетия – «Книге о занятии земли» Ари Мудрого. В противоположность укоренившемуся тезису, что «авторы» саг, используя краткие сведения «Книги о занятии земли», сочиняли сами саги, мы выдвигаем постулат, что всё происходило в точности наоборот – как раз Ари Мудрый использовал устные предания о предках исландцев – саги для написания своего исторического труда о заселении Исландии.

Во-первых, следует отметить, что сам Ари Мудрый неоднократно упоминает саги, в том числе не дошедшие до нас. Нет никаких оснований утверждать, что они менее пространны или жанрово в чем-либо существенно отличались от того огромного массива текстов, который был записан спустя двести лет после написания «Книги о занятии земли».

Во-вторых, во многих сагах действуют лица гораздо менее значительные, чем исландские первооселенцы, о которых рассказывается у Ари Мудрого и в соответствующих исландских родовых сагах. Эти люди были преимущественно могущественными и богатыми представителями норвежской родовой знати, не пожелавшими подчиниться первому объединителю Норвегии – конунгу Харальду Прекрасноволосому, норвежскими социальными лидерами. Их влиятельным родовым коллективам в Исландии принадлежали, как правило, несколько усадеб, насельники которых, их домочадцы и трэли, вели комплексное хозяйство – от скотоводства (преимущественно овцеводства) до морского промысла и даже, на первых порах, земледелия. Ставить конкретную и детальную информацию о них в сагах под сомнение и объявлять художественным вымыслом, безусловно, достаточно проблематично. К тому

же, что существенно, пока исландские учёные ставили достоверность саг под сомнение, исландские обыватели продолжали (и продолжают) возводить свою родословную к героям саг.

В дальнейшем авторы планируют сосредоточиться на конкретном сравнении текстов «Книги о занятии земли» и исландских родовых саг. Больше всего в сагах информации о первопоселенцах в Западных Фьордах, поэтому у нас есть тут отличная возможность детального сравнения саг с текстом Ари Мудрого. Однако на данном этапе основное внимание следует уделить тому, как сами исландские авторы оценивают и интерпретируют собственное письменное наследие. При всём уважении к «комплексу русского гимназиста», исправляющего карту звёздного неба, следует помнить, что для исландцев эти тексты являются не только предметом отстранённого академического анализа, но и неотторжимой частью культурной и личной идентичности, и их приоритет в восприятии данной информации и её верификации не может быть ни оспорен, ни опровергнут априорно.

Результаты и обсуждение

«Книга о занятии земли» (исл. Landnámabók) (далее – КЗЗ) сохранилась в трёх средневековых версиях, известных под названиями Melabók, Hauksbók и Sturlubók (время создания – между 1270 и 1320 гг.) и двух списках XVII в. (Skarðsárbók, Þórðarbók); также известны упоминания других версий, ныне утраченных (Styrmisbók). Считается, что все они восходят к одному, ныне утраченному, протографу (исл. frum-Landnáma – «изначальная КЗЗ»), о котором достоверно не известно ничего, и поиск которой является давней источниковедческой проблемой. КЗЗ содержит упоминание большого количества исландских первопоселенцев (более 400) и, что важно, большое количество текстуальных переключек с древнеисландскими родовыми сагами.

Достоверность КЗЗ как исторического источника дискутабельна (Сверрир Якобссон: «...относительно ценности КЗЗ как источника много проблем не разрешено» (Пер. О. А. Маркеловой), однако её нельзя отрицать полностью^{***}).

КЗЗ и саги – тексты, основанные на предшествующей устной традиции, записанные (или созданные) через два столетия после описываемых в них событий и не относящиеся к какому-либо жанру историографических сочинений (хроникам и под.). В силу такой специфики этих текстов для исследователей, взаимодействующих с ними (как историков, так и литературоведов), в центре внимания оказывается вопрос о методологии их исследования: в какой мере считать КЗЗ и родовые саги достоверными источниками об эпохе, о которой они повествуют, – а также об эпохе их написания? Насколько нужно принимать в расчёт традицию устной передачи,

^{***} Как показывает сопоставление КЗЗ с данными археологии, геологии и палеоботаники, в общих чертах её свидетельства достоверны, но описание отдельных фактов и событий может вызывать вопросы. (См.: Um landnám á Ísland. 14 erindi. Guðrún Ása Grímsdóttir (ed.), Háskólaútgáfa, Reykjavík, 1996; Gunnar Karlsson: Landnám Íslands. Háskólaútgáfa, Reykjavík, 2016).

несомненно, стоящую за этими текстами? Насколько правомерно относиться к родовым сагам так же, как к художественным романам Нового времени?

История изучения родовых саг и КЗЗ в Исландии насчитывает не один век. Здесь будет уместно привести историю изучения этих текстов исландскими исследователями. Разумеется, этот краткий очерк не претендует на полноту, а лишь обрисовывает основные методы, преобладавшие в изучении древнеисландской прозы в разные периоды времени.

Исландскими гуманитариями XIX в. (например, авторами, объединившимися вокруг журнала «Фьельнир») эти тексты воспринимались, прежде всего, как объект романтического дискурса и рассматривались как «строительный материал» для исландской национальной идентичности [Arnold, 2003: 51-53]. Тогда они безоговорочно считались исторически достоверными. Примерно тогда же складывается «иерархия» саг, которая потом отчасти переходит и в научный дискурс: родовые саги начинают считаться более аутентичными и достойными внимания, чем другие жанры древнеисландской прозы [Ibid.: 53].

Первым исследователем, который занялся изучением текстуальных связей между КЗЗ и родовыми сагами, можно назвать Бьёртна М. Оульсена (Björn M. Ólsen (1850–1919), посвятившего этой проблеме несколько трудов в первом десятилетии XX века. Сопоставив тексты сохранившихся версий КЗЗ с несколькими сагами (в т. ч. «Сагой об Эгиле», «Сагой о людях с Песчаного берега» и «Сагой о людях из Лососьей долины»), он пришёл к выводу, что материал был заимствован в КЗЗ из текстов саг [Callow, 2017: 18]. Особенности разных версий КЗЗ, различия между ними, а также текстуальные совпадения с родовыми сагами были подробно описаны Йоуном Йоуханнесоном (Jón Jóhannesson) в его диссертации «Версии Книги о занятии земли» (Gerðir Landnámu) 1941 г., являющейся крайне важным вкладом в изучение текстологии КЗЗ.

В XX веке в саговедении в Исландии и за её пределами конкурируют два подхода к древнеисландской прозе: «теория устной прозы» (нем. Freiprosa, исл. sagnfesta), в которой акцент делался на отражении письменным текстом предшествующей устной традиции, – которая, в т. ч., может быть с большой долей достоверности реконструирована на основе этих сохранившихся позднейших записей, – и «теория книжной прозы» (нем. Buchprosa, исл. bókfesta), в которой внимание сосредоточивается на самом письменном тексте, который, в отличие от гипотетической устной традиции, существует объективно. Согласно «теории книжной прозы», родовые саги изначально возникли именно как авторские письменные тексты. В этой трактовке они были не записаны, просуществовав перед этим несколько столетий в устной форме, а именно первоначально сочинены в XIII в., в условиях сложной политической обстановки эпохи Стурлунгов, под влиянием ностальгических грёз о «золотом веке» эпохи Народовластия. «Теорию книжной прозы» можно возвести к Конраду Мауреру (1823 – 1902) (сам термин принадлежит Андреасу Хойслеру). В Исландии самыми крупными представителями таких взглядов на

происхождение саг были уже упоминавшийся Бьёртн М. Оульсен, Эйнар Оу. Свейнссон (1899–1984) и не в последнюю очередь Сигюрд Нордаль (1886–1974), в 1940 г. издавший работу о «Саге о Храфнкеле», ознаменовавшей начало господства «теории книжной прозы» в исландском саговедении (т. н. «Исландской школы»). «Теория книжной прозы» продержалась в литературоведении в Исландии с 1940-х по 1970-е гг. Из её более молодых последователей среди крупных исландских учёных можно назвать Херманна Паульссона (Hermann Pálsson, 1921–2002) [Ibid.: 16-18; Arnold, 2003: 98; Vídalín, 2015): 124–138, 128].

Однако в исландской исторической науке подход к средневековым текстам, возводимый к «теории книжной прозы» задержался дольше (очевидно, т. к. пришёл туда позже, чем в исследование тех же текстов литературоведами). Его проявления встречаются и в научных работах XXI в. Современную версию этого подхода (крупный исландский историк Гюннар Карлссон дал ей название *nýbókfesti* – «новая теория книжной прозы» (пер. О. А. Маркеловой) [Karlsson, 2007: 40]) можно описать следующим образом: древнеисландская проза является ценным историческим источником не о времени, описанном в ней, но о времени создания/записи текста (так, КЗЗ рассматривается, прежде всего, как источник по истории идей XII в., а не событий IX в.).

Впрочем, «новая теория книжной прозы» в современной Исландии не является особой научной школой; скорее, к ней прибегают в тех случаях, когда необходимо выразить критическое отношение к степени ценности тех или иных древних текстов как исторических источников [Vídalín, 2015: 124–138, 136].

Один из современных исследователей характеризует этот метод следующим образом: «Те, кто ограничивается лишь временем написания источников, разумеется, теряют возможность заплывать на те глубины, которые предлагают другие методы, – однако источники всё равно остаются непоколебимым свидетельством о времени своего написания и о своих авторах. В их ценности как источников об этом сомневаться просто невозможно, – иначе мы вовсе лишимся почвы под ногами. В этом аспекте, наверно, можно было бы назвать «новую теорию книжной прозы» *минимальным* приближением к источникам: мы можем, *по крайней мере*, утверждать то или иное о времени написания и господствовавших тогда взглядах...» (Пер. О. А. Маркеловой) [Ibid.: 124–138, 136].

Черты этого подхода часто встречаются в комбинации с другими методами исследования. Напр., в книге Сверрира Якобссона „*Víð og veröld*“ («Мы и мир», 2005) отмечается, что для авторов/составителей КЗЗ было важно, из каких краёв происходили исландские первопоселенцы, и уделяется внимание вопросу о взаимоотношениях скандинавских и кельтских первопоселенцев [Jakobsson, 2005].

Вьестейтн Оуласон считает, что в XIII в. традиция устных рассказов о людях и событиях X–XI вв. была всё ещё хорошо развита, однако исторические по происхождению нарративы испытывали влияние мифологии и фольклора, – а также индивидуальных стилистических особенностей отдельных

рассказчиков; очевидно, устная и письменная форма бытования саг долгое время существовали параллельно и подвергались взаимному влиянию [Ólason, 1998: 19-20].

В связи с изучением КЗЗ необходимо обратить внимание на труды Свейнтбьёртна Равнссона. В своей диссертации 1974 г., посвящённой КЗЗ, он утверждает, что средневековые исландские тексты возможно рассматривать только как источники о времени их написания (но не о том времени, о котором они повествуют). Исследователь обращает внимание на основополагающие различия между тремя сохранившимися средневековыми версиями КЗЗ. Судя по всему, этот труд изначально был задуман не как текст историографического характера, а как перечень всех землевладений в Исландии, по четвертям страны. Основной объект интереса в КЗЗ – земля и люди, точнее, их связь: перечисление первопоселенцев и их земель охватывает всю пригодную для жизни и ведения устойчивого хозяйства равнинную Исландию, речь идёт о праве землевладения, изначально никоим образом не связанным со сбором налогов или десятины, т. е. КЗЗ написана не для нужд короля или церковных властей, и «очевидно, скорее обращена против такой власти» (пер. О.А. Маркеловой) [Rafnsson, 2001: 10]. При этом Melabók сохраняет изначальное деление по четвертям, а в Sturlubók и Hauksbók материал перегруппирован по-новому и отражает важное изменение, произошедшее в XIII в.: попытку превратить КЗЗ в историографический труд, внести в неё хронологию по годам. Также Свейнтбьёртн отмечает важность для авторов/составителей сохранившихся версий КЗЗ наличия первопоселенцев-христиан в каждой четверти страны [Ibid.: 59]. Также он много внимания уделяет в своих трудах интертекстуальным связям КЗЗ с различными сагами. Так, в его книге 2001 г. рассматривается связь с «Сагой об Олаве Трюггвасоне». При этом необходимо отметить, что точка зрения Свейнтбьёртна Равнссона не получила в современной исландской историографии безоговорочной поддержки.

Йоун Невитль Адалстейнссон прибегает для изучения древнеисландской прозы к методам фольклористики: сравнению вариантов текста для выявления наиболее аутентичного, сопоставлению описаний ритуалов в сагах и КЗЗ с данными фольклористики и этнографии более поздних эпох. Первая глава его книги 1997 г., посвящённой жертвоприношениям в древнескандинавской культуре, так и называется «Книга о занятии земли в свете фольклористики»: здесь фольклористические методы применяются к этому источнику впервые [Aðalsteinsson, 1997: 11-31]. Значительная часть этой главы посвящена сопоставлению эпизодов из разных версий КЗЗ, в которых речь идёт о религиозных практиках. «Когда ок. 1000 г. религия сменилась, эти сказания должны были постепенно начать модифицироваться, чтоб соответствовать господствующим в стране религиозным идеям» (пер. О. А. Маркеловой) [Ibid.: 21]. Такой подход применим к эпизодам, повторяющимся в сагах и КЗЗ.

Аурманн Якобссон, крупный современный исландский филолог, историк исландской литературы, характеризует исландское саговедение XX в. следующим образом: «История рецепции «Книги о занятии земли» и родовых

саг в XX в. – это, вероятно, не в последнюю очередь тот самый *horror vacui* – в противовес отсутствию источников об Эпохе заселения земли и Веке саг, созданных непосредственно в сами те эпохи. Об этих временах у нас есть только ненадёжные источники, – однако называть их художественным вымыслом или выдумками было бы ошибочно» (пер. О. А. Маркеловой) [Jakobsson, 2015]. Он указывает на то, что родовые саги и КЗЗ долго считались «ненадёжными историческими источниками» не в последнюю очередь потому, что в их текстах присутствует много деталей, безоговорочно относимых современным сознанием к «вымыслу» и «художественной литературе». Исследователь обращает внимание на неправомерность подхода к средневековым текстам с современными мерками об «историческом» и «художественном», о «правде» и «вымысле», – особенно в тех случаях, когда эти категории обретают оценочные коннотации. А такой подход не является редкостью в научных исследованиях древнеисландской прозы в XX веке; ср. в научном аппарате к томам „Íslenzk fornrit“ – наиболее авторитетного издания саг в Исландии, – комментаторами часто выносятся вердикт, действительно ли те или иные события, описываемые в саге, имели место в реальности или вымышлены****. Однако для древнеисландской прозы важным оказывается не соответствие описываемых событий «объективной реальности», а другое: «... не так уж важно, основаны ли они (древнеисландские труды) на реальных событиях, если они основаны на более старой нарративной традиции. Для позднесредневековых авторов именно эта традиция представляет за сами события» [Ibid.]. (пер. О. А. Маркеловой).

В современной исландской науке нельзя выделить какой-либо один преобладающий подход к изучению древнеисландской прозы. Так, Артнгрим Видалин указывает, что в середине 2010-х гг. больше других были распространены такие методы, как культурная антропология и «новая текстология»; однако увеличилось и число междисциплинарных исследований [Vidalín, 2015: 124–138].

Хотя ценность КЗЗ как исторического источника часто ставится под сомнения, ею (а также родовыми сагами) часто используют в качестве исторического источника не только историки, но и представители естественных наук (палеогеографы, палеоботаники и пр.), и данные КЗЗ коррелируют с данными, полученными «в поле», при раскопках. Яркий пример здесь: – *Um landnám á Ísland. 14 erindi. Guðrún Ása Grímsdóttir* (ed.), Háskólaútgáfa,

**** См.. напр.. комментарии к тому: *Færeyinga saga; Ólafs saga Tryggvasonar*. Íslenskt fornritafélag, 2006, под редакцией: *Jónas Kristjánsson, Þórður Ingi Guðjónsson*. Аурманн Якобссон приводит ещё примеры подобного подхода: *Björn Sigfússon*, предисловие к: *Ljósvefninga saga með þáttum. Reykdæla saga ok Víga- Skútu, Hreiðars þáttur*, útg. *Björn Sigfússon*, Íslenzk fornrit, 10. b. (Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1940), xxxvii-xli; *Guðni Jónsson*, предисл.к: *Grettis saga Ásmundarsonar. Bandamanna saga. Odds þáttur Ófeigsonar*, útg. *Guðni Jónsson*, Íslenzk fornrit, 7. b. (Reykjavík: Hið íslenska fornritafélag, 1936) xx; *Bjarni Einarsson*, предисл.к: *Ágrip af Nóregskonunga sǫgum. Fagrskinna — Nóregr konunga tal*, útg. *Bjarni Einarsson*, Íslenzk fornrit 29. b. (Reykjavík, Hið íslenska fornritafélag, 1985), xix og xxxii.

Reykjavík, 1996 – в издании соседствуют статьи, написанные историками, археологами и геологами. Ср. также: Gunnar Karlsson: Landnám Íslands. Háskólaútgáfa, Reykjavík, 2016 [Karlsson, 2016].

Важно, что объектом исследования в данном случае становятся тексты, обладающие в исландской культуре XIX-XXI вв. высоким символическим статусом. Действующие лица КЗЗ и родовых саг стали национальными топосами в Исландии. Например, памятник первопоселенцу Ингольву Арнарсону стоит в центре Рейкьявика, а столбы от его почётной скамьи изображены на современном гербе исландской столицы.

Само понятие «заяние земли» (landnám) обладает колоссальной символической и эмоциональной важностью для носителей современной исландской культуры. Об этом говорит хотя бы то, что тема первичного заселения острова хорошо освоена исландской художественной литературой 1970 - 2020 гг., и там можно наблюдать широкую палитру отношений к этому – бесспорно, основополагающему, – событию в истории Исландии: от восприятия занятия земли как мистического опыта (Sigurður Pálsson: Ljóð námu menn, 1998) до горького сарказма (Megas: Um óþarflega fundvísi Ingólfs Arnarsonar), от юмористических попыток представить первопоселенцев IX в. в современной Исландии (Þórarinn Eldjárn: стихотворение «Ingó») до исторических романов, носящих печать скрупулёзной работы с историческими источниками (Трилогия Vilborg Davíðsdóttir об Ауд Мудрой (2009-2017)).

Т. е., в конечном итоге, вопросы, касающиеся КЗЗ и родовых саг, для исландских исследователей не являются узкоспециальными проблемами гуманитарных наук, а в какой-то мере затрагивают основополагающие вопросы, касающиеся исландской национальной идентичности.

Заключение

Таково состояние исландской историографии по данному вопросу. Как видим, изучению древнеисландских текстов в историко-этнографическом ключе уделялось, на наш взгляд, недостаточно внимания (за исключением работ Йоуна Невитля Адальстейнссона). В дальнейших статьях и готовящейся монографии мы намерены детально рассмотреть КЗЗ и соответствующие саги Западных Фьордов преимущественно в историко-этнографическом аспекте. Интересно, что истории каждого первопоселенца открывают новые аспекты по данной тематике.

Так, чрезвычайно интересны описания древнескандинавского культа и функций *godi* в историях о Торольве Мострарской Бороде; социальной стратификации, отличия сакральной скамьи *öndvegi* от скамьи вождя *hásæti* (что, как правило, не берется во внимание) и организации хозяйства знатного скандинава в историях о Гейрмунде Темная Кожа; взаимоотношений родовой знати и конунга Харальда Прекрасноволосого в историях о Гримере Лысом; роли женщины как главы знатного рода при гибели ее мужа, кельтского влияния и ранней христианизации в историях об Унн Многомудрой. Все это на базе древнеисландских источников будет детально рассмотрено в наших

последующих публикациях о «Книге о занятии земли» и связанных с ней тематически исландских родовых сагах.

Авторы благодарят Сверрира Якобссона за ответы на вопросы.

Список литературы

Aðalsteinsson, 1997 – *Aðalsteinsson J. H.* Blót í norrænum sið. Rýnt í forn trúarbrögð með þjóðfræðilegri aðferð. Háskólaútgáfan. Félagsvísindastofnun, Reykjavík 1997.

Arnold, 2003 – *Arnold M.* The Post-Classical Icelandic Family Saga. Lewiston, N.Y.: Edwin Mellen Press, 2003.

Jakobsson, 2005 – *Jakobsson S.* Við og veröld. Heimsmynd Íslendinga 1100-1400. Háskólaútgáfan, Reykjavík, 2005.

Jakobsson, 2015a – *Jakobsson Á.* Sannleikurinn er ekki í bókum. Landnámabók og landnám Íslands, 2015

Jakobsson, 2015b – *Jakobsson A.* „Hvað á að gera við Landnámu? Um hefð, höfunda og raunveruleikablekkingu íslenskra miðaldasagnaritara“. Gripla XXVI, 2015. Bls. P. 7-27.

Jóhannesson, 1941 – *Jóhannesson J.* Gerðir Landnámubókar. Reykjavík, 1941.

Karlsson, 1996 – *Karlsson G.* Viðhorf Íslendinga til landnámsins. Um landnám á Íslandi; Guðrún Ása Grímsdóttir (ed). Reykjavík : Vísindafélag Íslendinga, 1996 bls. P. 49-56.

Ólason, 1998 – *Ólason V.* Dialogues with the Viking Age. Narration and Representation in the Sagas of the Icelanders. Translated by Andrew Wawn. Heimskringla. Mál og Menning Academic Division. Reykjavík, 1998.

Ólsen, 1904 – *Ólsen B. M.* 1904. “Landnáma og Egils saga”. Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie II.19. P. 167-247.

Ólsen, 1905 – *Ólsen B. M.* 1905. “Landnáma og Eyrbyggja saga”. Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie II. 20. P.81-117.

Ólsen, 1908 – *Ólsen B. M.* 1908. “Landnáma og Laxdæla saga”. Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie II. 23. P. 151-232.

Rafnsson, 1974 – *Rafnsson S.* Studier i Landnámabók: Kritiska bidrag till den isländska fristatstidens historia. Lund: Gleerup. 1974.

Rafnsson, 2001 – *Rafnsson S.* Sögugerð Landnámubókar. Um íslenska sagnaritun á 12. og 13. öld. Sagnfræðistofnun Háskóla Íslands, Reykjavík. 2001.

The Routledge, 2017 – The Routledge Research Companien to the Medieval Icelandic Sagas. Ed.: Ármann Jakobsson & Sverrir Jakobsson. Routledge, London and NY, 2017.

Vidalín, 2015 – *Vidalín A.* „Ný bókfestukenning? Spjall um aðferðir“. *Saga* LIII:2 (2015). P.124–138.